

МАТЕРИНСТВО И ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ. ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Колесова А.К.¹, Колб А. Л.²

¹ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия (119991, Москва, М. Пироговская, д.1, стр. 1), e-mail: bookhome5@gmail.com

²НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт», Москва, Россия (105082, Москва, ул. Фридриха Энгельса, д.75, стр. 3.), e-mail: nurochek@gmail.com

В статье рассмотрены противоречивые тенденции современного российского общества, актуализировавшие проблему самоидентичности. Материнская самоидентичность является основным предметом осмысления в связи с кризисными процессами современной семьи и проблемами материнства (низкой рождаемостью, девиантным материнством и пр.). Выявлены основные подходы к трактовке материнской идентичности в современном междисциплинарном дискурсе. Рассмотрена эволюция гендерной и материнской идентичности в контексте исторических условий XIX века, советской эпохи и современности. На основе историко-педагогического анализа практики материнского воспитания в XIX веке осуществлена демифологизация присутствующих в современном дискурсе суждений о «золотом веке» семейного воспитания. Учитывая требования многообразия и многовариантности, диктуемые методологией постнеклассической науки, переосмыслены современные представления об эталоне материнства и о ролевом конфликте как главном препятствии его развития, предложены компромиссные пути формирования материнской идентичности сегодня.

Ключевые слова: самоидентичность, гендерная идентичность, материнская идентичность, материнство, ролевой конфликт.

MOTHERHOOD AND CHALLENGES WOMEN SELF-IDENTITY. HISTORICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS

Kolesova A.K.¹, Kolb A.L.²

¹Moscow Pedagogical State University, (119991, Moscow, M. Pirogovskaya 1, p. 1), e-mail: beauty2005@rambler.ru

²Moscow Social Pedagogical Institute, Moscow, Russia (105082, Moscow, Friedrich Engels Street, 75, p. 3.), e-mail: nurochek@gmail.com

The article examines contradictory trends in contemporary Russian society, to actualize the problem of self-identity. Maternal self-identity is a basic understanding of the subject in connection with the crisis processes of the modern family and the problems of motherhood (low birth rate, deviant motherhood and so on.). The basic approaches to the treatment of maternal identity in contemporary interdisciplinary discourse. The evolution of gender and maternal identity in the context of the historical conditions of the XIX century, the Soviet era and the present. On the basis of historical and pedagogical analysis of the practice of maternal education in the XIX century carried demythologization present in the contemporary discourse of judgments about the "golden age" of family education. Given the demands of diversity and multi-variant dictated methodology postnonclassical science, rethink current ideas about motherhood and the benchmark of role conflict as the main obstacle for its development, offered a compromise way of formation of the parent identity today.

Keywords: self-identity, gender identity, the identity of the mother, motherhood, role conflict.

Сегодня в контексте стремительно меняющихся условий человеческого бытия одной из наиболее обсуждаемых в современном междисциплинарном научном дискурсе стала проблема самоидентичности (З. Бауман, У. Бек, Е.В. Лысак, Е.Т. Соколова, В.С. Степин, А. Тоффлер, А.Ю. Шеманов и др.).

Сложившиеся противоречия в стратегиях развития российского общества между ориентацией на тенденции глобализации и стремлением сохранить традиционные национальные культурные особенности, особенно сильно проявились в семейной политике и

дискуссиях по гендерным вопросам, что актуализировало проблематику материнской самоидентичности. В связи с этим представляет интерес в ракурсе сопоставительного анализа рассмотрение материнской самоидентичности российской женщины в XIX в. и сегодня. Обращение к XIX веку продиктовано социальным запросом необходимости преодоления мифа о XIX веке как «золотом веке семьи и материнства», а также научным интересом к открывающейся возможности через раскрытие различий исторического контекста выявить инвариантные и культурно-исторические особенности материнской идентичности, проследить характер влияния различных детерминирующих факторов.

Сравнение культурно-исторического контекста XIX века и современности позволяет выделить следующие изменения его составляющих:

- характера цивилизационного развития общества (от нарастающей модернизации и индустриализации XIX века к постмодерну и постиндустриализму современности);

- социальной стратификации (от устойчивого сословно-классового деления в XIX в. к динамично изменяемому мозаичному многообразию страт в современном российском обществе);

- состояния культуры (от волнообразного погружения «в европейское» при сохранении в целом традиционных православных основ культуры в XIX веке к усилению глобализации на фоне постсоветского секуляризма и культурной дезинтеграции сегодня);

- ценностно-смысловых оснований общества (от медленно трансформирующихся охраняемых церковью и законом православных ценностей, общехристианских и сословных идеалов к моральному релятивизму современного общества, хаотичному изменению ценностей, деконструкции традиций и доминированием рыночных интересов);

- традиций человеческой солидарности (от христианской соборности, коллективной сословной самоидентичности к эгоцентризму и диктату интереса индивидуального благополучия);

- доминирующих общественных настроений (в XIX веке, ориентированных на веру в социальный прогресс и сциентизм, сегодня – отражающих разочарованность и тревожность в свете неопределенности и непредсказуемости будущего);

- положения семьи (от медленного разрушения большой семьи при сохранении понимания ее ценности и важности патриархальности в XIX в. к признанию возможности отмирания традиционного института семьи, отказу от иерархического строения внутрисемейных отношений, поддержке педоцентризма и усилению центробежных ориентаций);

- отношения к женщине (от постепенного развития первой волны эмансипации в XIX веке к развитию теории гендера и современному постфеминизму).

Понятие «материнская самоидентичность» тесно связано с понятиями производное от «самоидентичность личности» и «гендерная самоидентичность».

В соответствии с идеями Э.Эриксона выделяют личностную идентичность (Эго-идентичность) и социальную (групповую идентичность). Личностная идентичность связана с экзистенциально-эмоциональным переживанием своего соответствия или несоответствия идеалу, принятому в референтной для личности группе. Она включает: телесную самоидентичность, душевно-духовное самопринятие (переживание своего соответствия или несоответствия избранным нравственным ценностям и установкам) и поведенческое самоосуществление (соответствие поступков, модусов поведения норме или эталону). Социальная идентичность прочитывается социологами как комплекс ролей и статусов, организованных адекватно социальной системе.

Обсуждаемый сегодня кризис идентичности связан с отсутствием жестких границ между дозволенным и запретным, с безграничной свободой индивидуального выбора: «высшей ценностью становится свобода маневра и личного произвола в «переиздании» и произвольном конструировании своего Я» [5, С. 146], «миллионы индивидов напряженно ищут собственную идентичность <...> чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок» [6, с. 502]. Развитие информационных и биотехнологий усиливает проблему кризиса самоидентичности вплоть до утраты границ Я в интернет сетях и неподвластным манипулированием моим Я.

На протяжении XIX столетия шел процесс медленного освобождения от Высшего контроля и суда со стороны Бога, группового сообщества, а затем и личностного самоконтроля. «Если Бога нет, то все дозволено», – написал об этом Ф.М. Достоевский. Если истоки современных проблем закладывались в XIX веке, то неистовый темп их созревания наступил только сейчас.

В этом контексте нарастающего произвола в конструировании Я и доминирующей интенции к свободе предметом обсуждения становится *гендерная идентичность*, истоком которой явились женское движение и теория эмансипации, развернувшиеся во второй половине XIX века и провозгласившие равенство мужчин и женщин в праве на образование и профессиональную деятельность.

Сегодня в структуре *женской самоидентичности* выделяют: телесность, сексуальность, партнерство, материнство и профессиональную деятельность [1, С.13]. Все структурные элементы, кроме профессиональной деятельности, которую условно можно для первой половины XIX века изменить на внесемейную самореализацию, характеризовали женщину того времени, но также имели совершенно другое прочтение. Ю. Лотман, рассматривая мир дворянской светской женщины XIX века, отмечал, что весь век был

отмечен борьбой женщины за то, чтобы «завоевав право на место в культуре, не потерять право быть женщиной» [2, С. 76]. Высшим эталоном женской самоидентичности XIX века выступал образ Богородицы, материнский образ жалеющей защитницы. Главным требованием к поведению женщины, базовым в воспитании девочек всех сословий было целомудрие. Целомудрие не противоречило светскости и аристократичности. А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» и в письмах к жене ввел два обозначения женского образа: «*commeilfaut*», и «*vulgar*», как обозначение в светском поведении женщины границы тонкого сочетания сексуальной привлекательности и целомудрия, женственности и интеллектуальности.

В эталонах современной гендерной идентичности произошли изменения, вызванные:

- усилением гендерной лиминальности (размыванием границ мужской и женской сфер деятельности, способов общения, моделей сексуальности);

- социальной позицией женщины, в которой установлены мускулинные образцы идентичности, ориентированные на проявление воли, твердости, стремления к лидерству, профессиональному самоутверждению, карьерному росту;

- обретением женщиной права свободы выбора репродуктивного поведения, не определяемого социальными ценностями и нормами;

- смещением женской телесной презентации от канона репродуктивного тела (что имело место в эстетике советского периода) к канону сексуализированного и худого тела модели, как образца нормативной женственности, дополняющего классические представления об эталоне молодости и стройности;

- утратой принципа целомудрия как основания оценки, самооценки и самоконтроля женского сексуального поведения.

Материнскую идентичность можно охарактеризовать как ощущение женщиной полноты и самоидентичности реализации себя в вынашивании, рождении, воспитании ребенка и поддержке его на протяжении жизни, как позитивное соотнесения себя с образом идеальной матери. Между материнством и другими компонентами женской самоидентичности всегда имела место некоторая напряженность. Вспомним наставление А.С. Пушкина к жене о её поведении в свете с напоминанием о том, что она мать двоих детей: «блистай себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотой», «Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности...», «исполни долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены» [4, С. 117].

Сегодня в условиях постиндустриального общества наибольший конфликт существует между материнской и профессиональной идентичностью женщины, отражающий

противоречия установок в отношении пола и гендера. В работах в русле гендерной теории и академического феминизма материнство либо игнорируется, либо трактуется как фактор угнетения и подчинения женщины. В современных социологических опросах не отмечаются (как и не предлагаются исследователями) такие черты женского образа, как милосердие, мягкость, терпеливость, способность к безусловной любви, которые наиболее характерны для материнского поведения.

В общественном дискурсе наметились две противоречивые тенденции: обсуждения материнства в русле правительственной политики, направленной на возрождение традиционного понимания материнства и патриархальной семьи, в связи со стимулированием деторождения, и противоположные подходы, опирающиеся на европейские стандарты в контексте идей глобализации и эгалитарной социальности. В суждениях представителей обеих платформ скрыто или явно присутствует соотнесение современной ситуации с прошлым, в первом случае с его идеализацией, во втором – с осуждением «патриархальных принципов» как истоков женской несвободы.

В русле первой платформы в официальной риторике и в публикациях социологов и демографов материнство рассматривается с позиций воспроизводства, необходимого для национальной дееспособности. Для укрепления установок молодых женщин на деторождение предлагается материальное стимулирование и возвращение россиян к традиционным семейным нормам и ценностям, к пониманию идеальной семьи, как имеющей не менее двух детей в официально зарегистрированном браке. В связи с этим возникают отсылки к XIX веку, как к ближайшему дореволюционному прошлому, связанные с попытками восстановить разорванные традиции, обрести почву для национальной идентичности.

При обращении к феномену материнской идентичности в российском обществе XIX века, представляется важным обратить внимание на несколько аспектов, касающихся условий ее формирования.

Во-первых, нормы женского ролевого поведения были декларированы церковью и государством как определенные, неизменные и единые для всех сословий. Они ориентировали женщину на выполнение трех основных ролей: жены, матери, хозяйки и создавали образ идеальной христианской матери, в соответствии с которым формировалась материнская самоидентичность. Чтобы быть признанной матерью, женщина должна была стать женой, так как только рожденные в браке дети признавались законными. При этом роль жены понималась обществом как приоритетная. Оценка обществом подвига жен декабристов, последовавших за мужьями в Сибирь, была очень высокой, и в общественном дискурсе не звучала тема об оставленных ими детях. По церковным канонам и

государственным законам женщина не могла сделать аборт, рассматривавшийся как убийство ребенка. Материнская идентичность складывалась в условиях жестких правил женского поведения. В современной ситуации, женщине для того, чтобы быть признанной в статусе матери, не обязательно иметь мужа, быть хорошей хозяйкой, а воспитание ребенка в неполной семье начинает рассматриваться как вариант нормы. Все слагаемые женской идентичности (телесность, сексуальность, партнерство, материнство, формы внесемейной самореализации) опирались на соответствие поведения требованию целомудрия. Сегодня формирование женской и в ее составе материнской идентичности, реализуемое на базе идеи свободы самореализации, лишило женщину ориентиров и образцов материнского поведения. Самоидентичность, опирающаяся на некритичное и нерелексивное самопринятие, не позволяет сформироваться осознанному материнству.

В-вторых, материнство в общественном и научно-педагогическом дискурсе XIX века не трактовалось в терминах воспроизводства, а рассматривалось как природная уникальность, носящая сакральный характер. В.Г. Белинский писал о любви матери к ребенку как «святой, священной», Н.И.Пирогов называл мать «зодчим человечества».

В-третьих, материнская самоидентичность формировалась не только под влиянием утвержденных эталонов, но и обстоятельств, определяемых условиями жизни. Низкий уровень медицины, отсутствие контрацептивов, высокая материнская и детская смертность влияли на материнскую самоидентичность во всех сословиях. Ситуация, когда из двадцати детей десять умирали, была достаточно распространенной. В материнской самоидентичности открывалась новая грань – смиренного принятия смерти детей, которая всегда оставалась сильнейшим потрясением. «Я стараюсь совершенно покориться Божьей воле, но в душе моей не мир, а иногда боль невыносимая, хотя безропотная; а иногда пустыня», – писала А.П. Елагина после смерти 19-летнего сына [3, С. 535].

В-четвертых, наличие нормы в обществе не означало отсутствие её нарушений. Отклонение от нормы в начале века существовало, но как бы «по умолчанию». Общепринято, не обсуждаемо и не осуждаемо было свободное сексуальное общение дворян с крепостными девушками, материнские чувства которых в отношении незаконнорожденных детей старались не обсуждать. Общественный дискурс на эту тему возникнет лишь к концу XIX века («Воскресенье» Л.Н. Толстого, «Семейный вопрос в России» В.В. Розанова). Критическая волна, нарастающая со второй половины XIX века, не только высветила отклонения от норм материнского поведения, но и стимулировало процесс их разрушения. Однако сохранение в обществе твердых правил и эталонов до конца XIX в. не означало отсутствия отклонений, но утверждало границы добра и зла, допустимого и не возможного, называло порок пороком.

Вышеназванные особенности исторического контекста показывают невозможность возврата модели традиционной семьи с присущим ей ролевым поведением женщины, но осмысление прошлого дает возможность выделить инвариантные условия для развития материнской идентичности. К ним, в первую очередь, можно отнести отказ от релятивизма в отношении базовых нравственных категорий. Свобода выбора остается за индивидом, но если будет присутствовать маркировка порока как нарушения нормы и исключения, это даст ориентиры для материнского поведения. В отношении материнства особенно важна опора на нормы, ведь материнское воспитание предполагает передачу ценностей и смыслов. Подход, присущий многим современным программам помощи материнству и детству, рассматривающий женщину как биологический ресурс воспроизводства населения, осложняет формирование полноценной материнской самоидентичности. Изучение прошлого дает возможность увидеть специфику материнского поведения на различных жизненных этапах и матери, и ребенка.

Противники возвращения традиционных моделей семьи и материнства видят в прошлом истоки современных конфликтов: между материнской и профессиональной ролями женщины, публичной и приватной сферами её жизни, свободой индивидуального самоосуществления и социальными нормами, патриархатными ориентациями и гендерным равенством.

Современные исследователи самоидентификации женщины (Н.Н. Васягина, Е.А. Гольман, И.Л. Шелехов, Т.А. Булатова, М.Ю. Петрова, З.Е. Кенжеева) отмечают, что истоком обсуждаемого конфликта «семья/ материнство – карьера» является наложение традиционного образа «женщина-мать» на советский образ «женщина-труженица». В результате критика положения женщины-матери XIX века с позиций теории эмансипации дополнилась обсуждением гипертрофированных трудностей материнства, присутствовавших в общественном дискурсе советского времени, не отражавших модель традиционного материнства. Обращение к истории показывает, что включение женщины в профессиональную деятельность в XIX веке происходило как постепенное отдаление от семьи (женщина-писательница, переводчица, учительница, врач и т.д.). Этот процесс сопровождался ростом женского образования и расширением сфер внесемейной самореализации, которая всегда имела место в благотворительности, в светской жизни (балы, литературные салоны), стирала границы приватного и публичного, но не создавала конфронтации с материнской самоидентичностью. Женщины создавали салоны, литературные журналы для своих детей, формируя круг их общения и интересов.

Обращение к внесемейной деятельности как источнику самореализации, а со второй половины XIX века и экономической необходимости, не создавало ролевого конфликта, пока

движение женщин нигилисток осознанно не провозгласило отказ от традиционных ценностей материнства. Не борьба за образование, поддерживаемая большинством, а честолюбивые революционные стремления, а в дальнейшем и властные помыслы стали разрушать материнскую самоидентичность.

Утвержденные сегодня идеалы социальной успешности, индивидуального благополучия, опираясь на ложный, мифологизированный образ материнства, вытесняют развитие полноценной материнской самоидентичности. Поэтому при разработке научных основ современных программ помощи материнству представляется важным обращение к истории, анализу теории и реальной практики материнского воспитания.

Список литературы

1. Ершова Н.М. Трансформация самоидентификации современной женщины: между полом и гендером: автореф. дис.... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство - СПб, 1994. – 399 с.
3. Переписка В.А.Жуковского и А.П.Елагиной: 1813 – 1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиляковой; Томский гос. Ун-т. – М.: Знак, 2009. – 728 с.
4. Пушкин А.С. Письма жене. С прил. работы М.Гофмана «Невеста и жена Пушкина». – М.: Захаров, 2005. – 256 с.
5. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. – М.: Смысл, 2015. – 895 с.
6. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.

Рецензенты:

Леванова Е.А., д.п.н., профессор кафедры социальной педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва;

Пушкарева Т.В., д.п.н., профессор кафедры социальной педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва.